

Два

ПОВЕСТЬ
Максим
Горшков

18+

Максим Горшков

Два

«Автор»

2026

Горшков М.

Два / М. Горшков — «Автор», 2026

Григорий хочет одного: вечного экстаза. В поисках он проходит через домашний кружок йоги, Индию, бандитов и проституток.

© Горшков М., 2026

© Автор, 2026

Максим Горшков

Два

Два

Повесть

Глава 1. Кружок

Самые интересные события в жизни Григория начались, когда ему было восемнадцать лет.

В это время он жил со своими родителями и заканчивал школу.

Дом, в котором они жили, имел пять этажей и был сделан из ракушечника, как и большинство домов в городе. Раковины на поверхности этого камня напоминали, что любая жизнь существует благодаря чьей-то смерти. Когда-то моллюски в этих раковинах передвигались, спали, ели и тихо умирали. На них легли трупы миллионов таких же, как они, и все спрессовалось в одну массу. Потом эта масса была распилена и использована в строительстве домов другими существами. Возможно, души мертвых моллюсков остались в камнях, которые стали для них могильными, и теперь наблюдают, как

люди передвигаются, спят, едят и тоже умирают.

Родители Григория жили мирно, но без особенных чувств. Точнее, чувства когда-то были у отца, но они давно не имели взаимности и постепенно заснули.

Отец в семье был малозначителен и не претендовал на веское слово. Казалось, само его тело было сделано из особого тонкого материала, который почти не влиял на окружающий мир и проходил через него незамеченным.

Мать Григория работала учителем младших классов, имела мнение обо всем и не любила, когда ей возражали. Она увлекалась йогой и собирала дома кружок любителей этой традиции.

Кружок состоял из нескольких пожилых женщин и Леонида — округлого, нервного, тоже пожилого мужчины.

Леонид был очень разговорчив, как будто вещество слов постоянно увеличивалось в нем и лезло наружу. Он знал это и сдерживался, чтоб не надоедать людям.

Главной в кружке была Светлана Матвеевна — высокая, худая женщина с большими добрыми глазами и синими выпуклыми венами на ногах. Эти вены притягивали интерес, как все неприятное, и Григорий не мог удержаться, чтоб иногда на них не посмотреть. Светлана Матвеевна замечала это и смущалась.

Нервный мужчина Леонид не любил Светлану Матвеевну. Он часто спорил с ней, зло прищуриваясь и тыча в воздух пальцами, как будто желая затолкать слова обратно ей в рот.

Говорили, что когда-то она отвергла ухаживания Леонида и с тех пор он обижен.

Заседания кружка происходили на выходных в большой комнате, которая называлась залом. Мать в эти дни не работала и могла принимать гостей.

Проходя по коридору мимо зала, в дни, когда собирался кружок, Григорий видел через узорное стекло силуэты и слышал разговоры. Иногда он заходил и участвовал в заседаниях. Ему нравилось находиться среди людей, которые принадлежали к более сложному миру и говорили о том, о чем большинство даже не задумывалось.

Пожилые люди с удовольствием объясняли Григорию свои идеи простым языком, удовлетворяя родительский инстинкт и желание передать знания.

На кружке часто спорили, иногда горячо, но имели некоторые единые убеждения, например, что человек перерождается в разных телах, что мысли материальны. Также считалось, что реальность, как мы ее видим,

это фикция, обман сознания, но есть другая, истинная, настоящая реальность. Григорию иногда было интересно, что это за истинная реальность, и он спрашивал об этом. Ему отвечали, что эта реальность не дуальна, а едина, в отличие от обычного мира, который состоит из противоположностей, но когда он спрашивал, что значит — не дуальна, люди делали грустные лица, оттого что сами этого не понимали.

Отец не одобрял увлечение матери. Он не понимал йогу и вообще любую иррациональную концепцию.

— Ну зачем ты водишь их домой? — спрашивал он у жены.

— А что, мне на тебя смотреть? Ты скучный, — покровительственно отвечала она, гладила по голове и думала о своем.

Григорий жалел отца, потому что иногда сам страдал от безответной любви.

Любовь накрывала его с головой, и он удивлялся, когда человек, которого он полюбил, оказывался к нему равнодушен. Ему было досадно, что тот лишает их большого, обоюдного счастья.

Несмотря на это, Григорий не удивлялся своему равнодушию к тем, кто любил его, потому что не предполагал у них наличия огромного и высокого чувства.

Эти люди казались ему скучными и пустыми, а их любовь была неприятна и навязчива, словно они хотели испачкать его своим жалким нутром.

Однажды Григорий решил спросить о безответной любви на кружке и зашел субботним вечером в зал. Там были Светлана Матвеевна, Леонид, Людмила — доброжелательная полная женщина и его мать.

Он сел на свободный стул и понял, что попал в середину спора.

— А как же традиции, преемственность, индуистские школы стоят на преемственности! — нервно сказал Леонид, видимо, с чем-то не соглашаясь.

— Традиции — это хорошо, но на определенном этапе развития человек должен отбросить всех авторитетов и сам стать традицией, — возбужденно ответила Светлана Матвеевна.

— Но тогда ты и не йог, — разочарованно сообщил ей Леонид.

— Она йог-реформатор, — возразила добродушная Людмила. — В Индии тоже были реформаторы. Например Рамакришна. Он решил, что все религии исходят из одного бога, а потом даже написал свое Евангелие.

— Рамакришна — это тот, который постоянно входил в экстаз? — с пренебрежением спросил Леонид.

— Да, тот, — подтвердила Светлана Матвеевна. — Он имел экстатическую связь с богом и определял духовность человека по красноте его груди, потому что от экстаза возле сердца лопаются капилляры.

— А если это алкоголик или человек с больным сердцем, как он отделял их от духовных людей? — спросила мать.

— Алкоголиков по перегару, а сердечников спрашивал про здоровье, — предположил Леонид, и все немного посмеялись.

— Если человек стал выше традиции, он все равно должен быть связан с каким-то высоким миром, — сказала мать, вернув разговор в русло серьезности.

— Или низким, — едко вставил Леонид, — ты с каким миром связана, Светлана?

— Это высокий светлый мир утренней лазури, там прохладно и хорошо, — ответила она неожиданно уверенно, — а символом этого мира является незаконченная восьмерка.

Светлана Матвеевна говорила вдохновенно, но грустно, как будто ее слова рождались где-то вверху и, спускаясь вниз, скучали по высоте.

— Как это, незаконченная восьмерка? — заинтересовалась Людмила, и Светлана Матвеевна начала водить взглядом по комнате. Мать, увидев это, достала из тумбочки лист бумаги и карандаш.

Светлана Матвеевна стала рисовать фигуру. Это была почти восьмерка, но у нее был полноценным только верхний круг, а нижний обрывался, не дойдя до конца, слева на четверть и напоминал одновременно девятку и тройку.

— Никогда не видела такой символ, — сказала Людмила. — А почему ты раньше не говорила нам про свой возвышенный лазурный мир?

— Потому, что я про него забыла, — объяснила та,

— в детстве мне приснился сон, что я на небе и хожу по облакам. Потом я увидела внизу дыру, и в ней с большой высоты, как с самолета, была видна земля. В эту дыру откуда-то сверху был спущен канат. Я прыгнула на него и повисла. Вдруг мне стало очень хорошо, в голове зашумело. Я вжалась в этот канат и так висела, пока не проснулась. Недавно я попала в этот мир во время медитации и вспомнила детский сон.

— Да это же обычные сексуальные переживания девочки. Тут нет ничего особенного. Ты канат в промежности сжала. Сладкий шум и удовольствие — это оргазм, — снисходительно объяснил Леонид, — а твоя недоделанная восьмерка — это сперматозоид, кружок с хвостиком.

На лице Людмилы изобразился дискомфорт, и она сказала:

— Всё опошлил. Человек познал высокий мир, а он о промежности и сперматозоидах.

— Нет, я думаю, он прав, — неожиданно возразила ей Светлана Матвеевна, — это и сексуальный опыт, и мир прозрачной лазури. У всего возвышенного есть низкий субстрат. Даже любовь — это высокая эссенция сексуального желания.

— Это какой-то фрейдизм, — сказал Леонид.

— Это тантризм, — поправила его Людмила.

— Как это, высокая эссенция сексуального желания?

— спросил Григорий, радуясь, что разговор приблизился к интересной для него теме.

Люди замолчали, перестраиваясь на дискурс низкого градуса, чтобы понятнее ответить на вопрос.

— Человек в отличие от животных не может свободно совокупляться, потому что имеет много запретов и страхов, поэтому его желание как бы перегревается и уходит вверх, — сказала Светлана Матвеевна.

— Как спирт в самогонном аппарате, — весело добавил Леонид.

— Когда оно доходит до сердца, — продолжила Светлана Матвеевна, — то превращается в любовь, а если дойдет до головы, человек обретает божественную мудрость.

— А почему любовь почти всегда безответна? — спросил Григорий, равнодушный к божественной мудрости.

Люди погрустнели, и Григорий понял, что они тоже знакомы со страданиями безответности.

— Мелкая личность жаждет глубины и пытается черпать из сосуда более глубокой,

— объяснила Светлана Матвеевна, — а глубокой это не нравится, потому что она теряет внутреннее вещество. Взаимная любовь бывает у очень глубоких личностей, но их мало, и они редко встречаются друг друга.

Григорий погрустнел от мысли, что он мелкая личность, и ушел в свою комнату.

Вскоре Григория забрали в армию. Новая жизнь, управляемая снаружи, имела свои простые смыслы, и он на время забыл о безответной любви и о кружке с его сложными разговорами.

Когда Григорий вернулся домой, кружка уже не было, потому что Светлана Матвеевна умерла от тромба, а остальным собираться стало неинтересно. Воспоминания заставили Григория тосковать. Он скучал по наэлектризованной возвышенными разговорами атмосфере, а потом сам решил заняться духовными практиками, чтобы спастись от этой пустоты.

Григорий не знал, как это нужно делать, но кружка не было, а к матери он обращаться не хотел. Эта сторона жизни была для него интимной, и обсуждать ее с матерью было все равно что показывать ей свое обнаженное тело. В поисках информации Григорий зашел в «Букинист» и купил книгу о медитации. Книга была написана просто и понятно. Там говорилось, что цель медитации — это достижение самадхи, то есть мистического экстаза, который открывает новые возможности и дает ответы на разные вопросы. Самадхи, как наркотики, бывают разными, дают разные переживания и имеют свои названия. Йог достигает их одно за другим и получает все более высокое и сильное наслаждение. Экстаз во многих индуистских традициях считается важным условием духовного роста. В некоторых

школах, например, говорят, что «нет мукти без бхукти», то есть «нет просветления без наслаждения».

Григорий принимал разные неудобные позы и произносил переведенные на русский язык мантры. «Я не тело, я не тело, я свободен от материального...» — повторял он, но обещанное самадхи не происходило. В скором времени он бы оставил эти занятия, но однажды во время медитации его охватило сильное чувство. Это было как узнавание чего-то очень важного, словно он раньше знал это, но забыл. Все тело охватил сладкий озноб удовольствия, а мир вокруг стал умиротворяющей утробой.

Потом удовольствие превратилось в поток, который проходил, казалось, через середину головы. Этот поток переживался как физическое ощущение и как само удовольствие.

Через несколько минут все прошло, и Григорий понял, что будет продолжать свои практики. Так однажды, будучи ребенком, испытав свой первый оргазм во сне, он начал страстно желать его и искал способы пережить снова.

Экстаз наступал не в каждой медитации. Он накапливался, как вещество, а потом словно прорывал преграду и временно отрывал Григория от обыденности.

Григорий удивлялся, что люди не стремятся к экстазу и почти не говорят о нем, довольные своей плоской жизнью с редкими маленькими удовольствиями.

Ему хотелось, чтобы это переживание никогда не заканчивалось, но он не знал, как этого добиться.

Почти все, кто увлекается йогой и не был в Индии, считают, что это особая страна, где на каждом углу живут святые. Григорий тоже так считал и решил, что людей, достигших постоянного экстаза, нужно искать там. Он немного освоил английский язык в надежде отправиться в Индию и найти там наставника.

Глава 2. Молоток

В это время Григорий нигде не работал, поэтому денег на путешествие в Индию накопить не мог, но произошел случай, который сделал это путешествие возможным.

Многие думают, что люди трудовых профессий устроены примитивно, но это не всегда так. Например, товарищ Григория Петруха работал сантехником и всерьез увлекался шиваизмом. Он говорил, что научился выходить из тела, правда, не полностью, а только рукой или ногой.

— Я занимаюсь тем, — витийствовал он, — что у индусов называется «карма-йогой», то есть йогой действия. Вот ты медитируешь на диване, а моя медитация — это вся жизнь. Когда я кручу резьбу на трубе, она для меня становится спиралью духовной эволюции, когда

я прочищаю канализацию, то освобождаю организм дома от скверны, а когда я пью водку, она становится божественным напитком — сомой.

Как-то раз Григорий пошел к Петрухе помочь с ремонтом и поздно возвращался домой. Его дорога проходила через район, в котором часто происходили ограбления, но он не боялся, потому что общение с Петрухой, который был решителен и смел, на время делало его таким же. В темноте безлюдного двора к нему подошел человек, поинтересовался, кто он, откуда, и предложил отдать ему деньги. Человек был коренастым и бритоголовым, а его голос звучал, как тракторный мотор: низко, равномерно и опасно.

— Что у тебя в карманах? — спросил коренастый человек.

— Немного денег, — ответил Григорий, глядя на самую яркую часть его фигуры — блик далекого фонаря на бритой голове, а потом понял, что в нем нарастает протест.

— Не дам, иди на хер, — сказал он и удивился своей дерзости.

— Ты че, страх потерял?! — прорычал коренастый и достал из-за пазухи нож. Григорий сжался от страха, а потом с отчаянной силой дал ему сумкой по голове. Тот удивленно посмотрел на него, а потом его глаза помутнели, как старое зеркало, и он безвольно упал. Григорий удивился, что человек упал, но потом вспомнил, что у него в сумке лежит молоток. Он посмотрел по сторонам и побежал домой.

Дома к нему долго не приходил сон. Он не знал, умер коренастый или нет, и отвлекался от тревоги с помощью разных мыслей. «На голове не зря растут волосы, — думал он, — потому что в ней находится весь человек. Если голову отделить от туловища, то она останется человеком, как в романе «Голова профессора Доуэля», а если оживить тело без головы, то это будет безликий предмет. Что бы я выбрал: остаться головой или туловищем? Наверное, лучше быть головой, потому что это избавит от телесных нужд и поможет медитации. Также волосы растут вокруг детородных органов и защищают их от повреждений и холода. Но зачем нужны волосы подмышками, ведь они и так закрыты руками, и наверняка нет ни одного человека, который умер от ранения подмышку». Таким образом размышляя, Григорий уснул, и ему приснился сон, в котором коренастый человек после удара немного полежал, а потом встал и пошел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.